

A romantic close-up of a man and an elf woman in fantasy armor. The man, on the left, has dark hair and a beard, wearing ornate blue and gold armor. The woman, on the right, has long blonde hair, pointed ears, and a small crown, also in blue and gold armor. They are leaning in, nearly kissing. The background is a soft-focus forest scene.

Не целуй меня, ушастый!
Инструкция по приручению

Кристина Скрипникова

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Кристина Скрипникова

Не целуй меня, ушастый!

Инструкция по приручению

<https://litres.ru/74024493>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тебе когда-нибудь говорили, что истинная пара — это дар судьбы? Врут. Это проклятие. Меня обручили с эльфом, которого я ненавижу. Он убил моего жениха. Он разрушил мою жизнь. И он же — единственный, кто сможет меня спасти. Я хочу прирезать его во сне. Но когда он целует меня — я забываю, как дышать.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	25
Глава 4	34
Глава 5	41
Глава 6	49
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Кристина Скрипникова

Не целуй меня, ушастый!

Инструкция по приручению

Глава 1

Двери в обеденный зал широко и резко распахнулись — ложка со звоном выпала у меня изо рта и покатилась по ска-терти, оставляя жирный след.

Я недовольно зыркнула на служанку-эльфийку: её взгляд метался, пальцы теребили край фартука, и от этого волнения у меня самой всё внутри сжалось.

— Леди Аэринэль! Вас вызывают в тронный зал, сами Старейшины!

В тронный зал? Меня? — мысль обожгла, пока я маши-нально поднимала ложку и клала её на край тарелки.

Даже завтрак доесть не дали.

В груди закипало возмущение: я, леди Аэринэль из дома Серебряной Рощи, должна мчаться на Совет, будто за мной гнались демоны.

А вдруг и вправду гнались? Только я пока об этом не знаю.

На лице запыхало недовольство, но следом пришло холод-ное волнение — неприятное, от которого ладони вспотели.

Я медленно отодвинула стул, стараясь держать спину прямо, но сердце уже колотилось где-то под горлом.

Что им от меня нужно? И почему такая спешка? — подумала я про себя, поднимаясь и заставляя ноги идти к выходу.

Я помчалась за служанкой, едва поспевая за её быстрыми шагами. Сердце колотилось где-то в горле.

Если вызывает Совет, значит, случилось что-то серьёзное. Может, война? Или кто-то из Старейшин решил устроить разнос?

Ноги несли меня почти бегом, но я старалась сохранять остатки достоинства.

В тронном зале было душно. Пахло воском и старой магией — тяжёлый, давящий запах, от которого кружилась голова. Совет старейшин сидел полукругом, морды важные, как у сытых котов. Каждый смотрел на меня с прищуром, будто я уже в чём-то провинилась. Отец стоял у трона, белый как мел — даже губы побелели. Мать всхлипывала в платочек, комкая его дрожащими пальцами.

Кого хороним? — мелькнула мысль, холодная и неуместная. Я перевела взгляд в центр зала — и сердце пропустило удар.

Там стоял ОН.

Лорд Кэлеан «Теневой Клинок». Собственной персоной.

Руки за спиной, спина прямая, словно аршин проглотил. Лицо — каменная маска, ни единой эмоции. Мундир чёрный, волосы белые, а в глазах — пустота. Такая ледяная, что

меня пробрало дрожью.

Три года прошло, а я до сих пор видела его во сне.

В кошмарах.

Как он стоял тогда, у ворот моего поместья, с мечом в руке, а вокруг горели дома. И Элариан лежал у его ног с дырой в груди.

Нет, только не это, — закричало всё внутри. — Зачем он здесь? Почему Совет вызвал меня вместе с ним?

Я почувствовала, как подкашиваются колени, но заставила себя выпрямиться. Смотреть ему в глаза я не могла — боялась, что увижу там ту же пустоту, что и в ту ночь.

— Леди Аэринэль, — начал Верховный старейшина, и его голос закрипел, как несмазанная телега. — Мы призвали вас по важнейшему делу государства. Тьма наступает. Древняя магия требует скрепления истинных пар.

Я скрестила руки на груди, впила ногти в предплечья. Смотрю на него в упор. Молчу. В груди уже всё кипит, но я держу лицо.

Тьма наступает? Истинные пары? К чему он клонит?

— Магия крови указала на вас и лорда Кэлеана, — старейшина сделал паузу, обводя зал торжественным взглядом. — Вы — истинная пара. Поздравляю.

Тишина.

Я стояла и смотрела на эту рожу. На этого козла ушастого, что застыл статуей посреди зала. На его каменное лицо, белые волосы, пустые глаза.

Он убил Элариана — моего жениха, мою любовь, мою надежду. Убил холодно, не моргнув глазом. А теперь, по мнению Совета, должен трахнуть меня, чтобы Тьма отступила?

Да пошли вы все! — закричало внутри. — Вы что, издеваетесь? Три года я училась жить заново, зашивала сердце суровыми нитками, а теперь вы хотите, чтобы я легла в постель с его убийцей?

Кровь прилила к лицу, в ушах зашумело. Я чувствовала, как дрожат руки, но заставила их сжаться в кулаки.

— Вы охренели!? — спросила я внятно и громко. Голос сорвался, но прозвучал как пощёчина.

Старейшины зашевелились, зашуршали мантиями.

Отец дёрнулся, будто его ударили, побелел ещё сильнее.

Мать икнула и прижала платок к губам.

— Леди Аэринэль, — начал кто-то слева, кажется, старейшина Тирион, но я уже не слушала.

Я смотрела на Кэлеана. Он не шелохнулся. Ни одна мышца на лице не дрогнула. Только в глазах, в самой глубине — мелькнуло что-то похожее на тень.

Или мне показалось?

— Ну уж нет! Я лучше умру, чем стану его парой. Лучше сгорю в этой Тьме, чем прикоснусь к нему. Вы все можете катиться к демонам со своей древней магией.

Я устроила скандал. Иного слова не подобрать.

Взгляд упал на вазу — огромную, с золотыми лилиями, что стояла у трона. Памятник безвкусице и эльфийской гор-

дости. Я рванула к ней, не разбирая дороги, схватила за горлышко и швырнула об пол. Грохот прокатился по залу, вода разлилась мутной лужей, осколки брызнули во все стороны. Старейшины шарахнулись, кто-то вскрикнул.

Я топала ногами, каблуки стучали по мрамору, волосы растрепались, выбившись из высокой причёски. Пряди прилипли к вспотевшему лбу. В груди бушевало пламя, которое я три года пыталась затушить, — и теперь оно вырвалось наружу.

— Это мясник! Это убийца! Да он сжёт моё поместье! — голос срывался, но я не умолкала. — Вы забыли?! Он убил моего жениха! А вы хотите, чтобы я стала парой этого чудовища?!

Я перевела дыхание, чувствуя, как по щекам текут слёзы. Отец подскочил ко мне сбоку, зашипел сквозь зубы, дёргая за рукав:

— Аэри, замолчи, не позорь род! Ты погубишь нас всех!

Я отдёрнула руку, не глядя на него.

Не позорь род? — мысль обожгла горькой усмешкой.

— А когда он убивал Элариана, ты думал о роде? Когда горели дома моих соседей, ты молчал. А теперь я должна молчать?

Мать рыдала в голос, забившись в кресло:

— Доченька, это судьба! Судьба!

Я повернулась к ней. Лицо мокрое от слёз, губы дрожат.

— В жопу судьбу! — рявкнула я так, что мать икнула и

притихла. — Я лучше сдохну, чем лягу с ним в постель! Слышите? Сдохну!

Старейшины переглядывались. Кто-то качал головой, кто-то хмурился. Верховный старейшина поднялся, опираясь на посох:

— Леди Аэринэль, вы не понимаете... Тьма...

— Да плевать мне на вашу Тьму! — оборвала я, вытирая слёзы тыльной стороной ладони. — Пусть она поглотит весь этот зал, всех вас, с вашими древними законами! Я не буду его парой!

И тут случилось это.

Кэлеан поднял руку — просто поднял, без резких движений. Но Совет заткнулся мгновенно. Даже дыхание затаили.

Он повернулся ко мне медленно, с ленивой грацией хищника, который знает, что жертва никуда не денется. Впервые за три года он посмотрел мне прямо в глаза.

И магия крови рванула из меня, как цепной пёс, сорвавшийся с привязи.

Это было как огонь. Как раскалённый нож под рёбра — и сразу в низ живота. Жар. Липкий, горячий, грязный. Он разлился по венам, пульсируя в такт сердцу. Тело предало разум в секунду. Колени подогнулись, я едва устояла, вцепившись ногтями в ладони, чтобы не упасть. И вдруг — острое, влажное тепло между ног. От дикого, животного желания, которое накрыло меня с головой, лишая воли.

Что это? — паника взметнулась в голове, но мысли тонули

в этом огне. — Что он со мной сделал?

Захотелось подойти к нему. Вцепиться в этот чёртов мундир, вдохнуть его запах, прижаться щекой к груди, где бьётся сердце — сердце убийцы.

Я ненавидела его всеми фибрами души — и хотела содрать с него одежду прямо здесь, на глазах у Совета. Содрать, впиться зубами в плечо, почувствовать его вкус на губах.

Нет! — закричала я мысленно, сжимая кулаки до белых костяшек. — Нет, нет, нет! Ты чудовище! Ты убил Элариана! Ты сжёг мой дом!

Но тело не слушалось. Каждая клетка тянулась к нему.

Я сделала шаг назад, чтобы не сделать шаг вперёд. Из горла вырвался злой выдох, похожий на рык — глухой, звериный.

Кэлеан смотрел на меня. В его ледяных глазах промелькнуло что-то — то ли удивление, то ли торжество. Или, может, тень того же пламени, что пожирало меня изнутри?

Он медленно подошёл ближе. Каблуки его сапог стучали по мрамору, отсчитывая последние мгновения моего самобладания. Встал так, что нас разделял один шаг — я чувствовала жар его тела, слышала его дыхание.

Тишина в зале стала звонкой. Казалось, даже пламя свечей замерло.

Я смотрела на него снизу вверх — и ненавидела себя за то, что не могу отвести взгляд. За то, что в груди пульсировало желание, которое я не могла контролировать. За то, что где-

то глубоко, в самой тёмной части души, я хотела, чтобы он сделал этот последний шаг.

Он наклонился к моему уху. Я чувствовала его дыхание — горячее, обжигающее кожу. Родное — мать его за ногу. От этого слова внутри всё перевернулось: как что-то чужое может казаться родным?

Тело предательски отозвалось дрожью, мурашки побежали по спине.

— Ты идиотка, — сказал он тихо, почти ласково. Голос низкий, вкрадчивый, будто он успокаивал дикую лошадь. — Я не убивал твоего щенка.

Я дёрнулась. Воздух в лёгких закончился, в глазах потемнело от ярости. Хотела ударить — врезать по этой каменной роже, расцарапать её в кровь. Хотела закричать: Лжец! Как ты смеешь? Я видела тебя!

Но он перехватил моё запястье — и магия снова плеснула жаром по венам. Огненная волна ударила в низ живота, колени подогнулись. Я замерла, как кролик перед удавом, не в силах пошевелиться. Сердце колотилось где-то в горле, дыхание сбилось.

Он не отпустил мое запястье. Вместо этого приблизился ещё на полдыхания.

— Но если ты подпишешь отказ, — продолжил он, глядя мне в глаза. Взгляд тяжёлый, давящий. — Я сдохну. Тьма сожрёт нас обоих за три дня. Тебе плевать?

Я смотрела в эти пустые глаза. В них не было ничего, кро-

ме усталости — глубокой, выжженной до дна. И где-то на доньшке, в самой глубине, мелькнула боль.

Но моя гордость уже встала на дыбы, расправила плечи, оскалилась.

— Плевать, — выплюнула я слова, злобно, смачно, будто выплёвывала яд. — Сдохни.

Он скривил губу. Чуть заметно — всего один уголок дрогнул. Но я увидела. Эта крошечная трещина в каменной маске ударила сильнее пощёчины.

Сволочь.

Я отдёргнула руку — он отпустил, и я едва не покачнулась от потери его тепла. Развернулась и вылетела из зала, сжимая перчатку так, что ногти впились в ладонь.

Каблуки стучали по мрамору, эхом разносясь в тишине коридора. Я сжимала зубы, чтобы дрожь в руках никто не заметил, чтобы никто не увидел, как подкашиваются ноги.

В груди горело. Пламя пожирало меня изнутри — я ненавидела его больше всего на свете.

Чтоб ты сгнил в Бездне, — прошептала я, пока шла в свои покои. — Чтоб тебя разорвали демоны, чтоб твои кости перемололи в пыль.

Глава 2

Я влетела в свои покои так, что дверь грохнула об стену, картина напротив жалобно звякнула.

Служанка, которая ждала с платьем в руках, подпрыгнула на месте, пискнула, как мышь, и шмыгнула в коридор, прикрыв за собой дверь.

Умная девочка. Знает, когда леди лучше не попадаться под руку.

Я рванула ворот платья. Пуговицы жалобно звякнули, одна отлетела и покатилась по полу.

Душно.

В груди горело так, будто туда плеснули расплавленного серебра — жар разливался по телу.

Пальцы дрожали, когда я подошла к зеркалу и увидела себя. Раскрасневшуюся, с бешеными глазами, волосы торчат во все стороны, выбившись из причёски. Губы припухли, хотя я даже не целовалась. Просто от одной мысли о нём — и тело уже текло, предательница.

— Тварь, — сказала я своему отражению. Голос хриплый, сорванный. — Ты тварь, Аэри. Ты готова раздвинуть ноги перед убийцей. Позор рода.

Я всмотрелась в свои глаза — в них металась паника пополам с голодом.

Что он со мной сделал? — мысль билась в висках. — Эта

магия... это не я. Я не хочу его. Не могу хотеть. Не имею права.

Но низ живота ныл, тянул, требовал.

Я схватила графин с водой — тяжёлый, хрустальный — и глотнула прямо из горла, жадно, не чувствуя вкуса. Вода потекла по подбородку, по шее, затекла за вырез платья, оставляя мокрый след на разгорячённой коже.

Стало чуть легче — холод отрезвил на мгновение.

— У него нет права, — прошептала я, стискивая графин так, что по хрусталу побежала тонкая трещина, а потом ещё одна, змейкой скользнувшая к горлышку. — Ни права. Ни чести. Он убил Элариана.

Я закрыла глаза — и перед внутренним взором тут же встало его лицо. Как он наклонился к моему уху, его голос, низкий, хрипловатый, резанул по мозгам, ввинчиваясь в самое нутро:

«Я не убивал твоего щенка».

— Врёшь, — сказала я вслух. — Сволочь, врёшь.

Я видела тебя, — застучало в голове. — Я помню. Ты стоял у ворот с мечом, и кровь стекала по лезвию. Элариан лежал у твоих ног. Я помню его глаза — пустые, стеклянные. Как ты смеешь отрицать?

Гнев плеснул новой волной.

Я швырнула графин в стену — он разбился с мокрым треском, осколки брызнули во все стороны, звякнув о паркет. Вода потекла по стенам, оставляя тёмные разводы.

Я смотрела, как капли ползут вниз, и чувствовала странное удовлетворение.

Нормально.

Всё равно эти покои мне больше не нужны — если меня выдадут за него, я буду жить в его замке. Спать в его постели. Дышать одним с ним воздухом.

Если я не придумаю, как сдохнуть раньше.

В дверь постучали.

Я вздрогнула, всем телом дёрнулась, будто меня ударили током. Сердце забилося, пульс застучал в висках.

Кого там принесло?

— Госпожа, к вам лорд Кэлеан, — пискнула служанка из-за двери. Голос дрожал, будто она сама боялась произносить это имя. — Говорит, что не уйдёт, пока не поговорит. Я пыталась его не пускать, но он...

— Пусти, — сказала я. Голос сел, сорвался на хрип. Пришлось прокашляться, сглотнуть комок в горле.

Дверь открылась. И он вошёл.

Я смотрела, как он переступил порог, закрыл за собой дверь — медленно, почти лениво. Щелчок замка прозвучал как выстрел в тишине комнаты.

Зачем он заперся? — панически заметалось в голове. — Мы одни. В моих покоях. Заперты.

Он повернулся ко мне, и я ненавидела себя за то, что отметила его красоту.

Мерзко, гадко красивый.

Высокий, широкие плечи, талия узкая, ноги длинные. Мундир сидит идеально — ни складочки, ни пылинки. Лицо как высеченное из камня: скулы острые, губы чувственные, чёткая линия челюсти. И глаза — серые, холодные, смотрят сквозь меня.

— Чего тебе? — выплюнула я слово. — Пришёл добить? Убедиться, что я подпишу смертный приговор? Не дожدهшься.

Он не ответил.

Просто стоял и смотрел.

С каждой секундой магия крови внутри меня выла громче.

— Ты дрожишь, — сказал он спокойно.

— От злости.

Он шагнул ко мне.

Один шаг — но мне показалось, что он пересёк пропасть. Теперь нас разделяло меньше шага. Я чувствовала жар его тела, видела, как играют желваки на его скулах.

— Нет. — Он наклонил голову, рассматривая меня. — От голода.

Я попятилась, наткнулась спиной на туалетный столик. Флаконы жалобно звякнули, покачнулись, один чуть не упал — я машинально поймала его дрожащей рукой.

Кэлеан подошёл ещё ближе. Теперь между нами было меньше локтя — я чувствовала жар его тела, исходящий от мундира, чувствовала каждое его дыхание на своей щеке.

— Не подходи, — прошипела я, вжимаясь в столик так, что дерево впилось в поясницу. Края столешницы врезались в ладони, удерживая меня на месте, не давая упасть.

— А то что? — его голос звучал почти лениво, но я видела, как напряглись его плечи.

— А то я выцарапаю тебе глаза и скормлю собакам, — выплюнула я, глядя ему в глаза. В моём голосе дрожала ненависть пополам с отчаянием.

Он усмехнулся. Медленно, криво, уголками губ.

— Собаки меня не тронут, Аэри. — Он наклонил голову, и в голосе появилась хрипотца. — Я для них свой. А ты — единственная, кто может меня прикончить.

И тут магия крови дёрнула меня за низ живота так сильно, что я согнулась пополам. В глазах потемнело, комната поплыла, пол ушёл из-под ног. Горячая волна прокатилась от паха до горла, обжигая внутренности, выжигая все мысли, кроме одной.

Хочу. Хочу его. Прямо сейчас. Несмотря ни на что.

Я закусила губу до крови — солёный металлический привкус отрезвил на секунду. Но всё равно в горле застрял стон. Я стиснула зубы, вцепилась в край столика, чтобы не упасть на колени, не рухнуть перед ним, не умолять...

— Прекрати, — выдохнула я, поднимая на него мокрые глаза. Голос дрожал, срывался на хрип. — Прекрати делать это.

— Я ничего не делаю. — Голос у него стал хриплым,

низким, будто он сдерживал себя из последних сил. — Это связь. Ты чувствуешь то же, что и я. Хочешь меня. Прямо сейчас. Хочешь прижаться, вцепиться, получить...

— ЗАТКНИСЬ! — закричала я, и мой голос сорвался на визг.

Я размахнулась и ударила его по лицу.

Звонко.

Ладонь обожгло — будто не по щеке ударила, а о каменную стену.

Голова Кэлеана дёрнулась в сторону, прядь белых волос упала на лицо, но он даже не пошевелился.

Ни шага назад.

Ни вдоха.

Просто замер на мгновение, а потом медленно повернулся обратно.

На губе выступила кровь — алая, яркая, она собралась каплей и потекла по подбородку.

Он облизал её. Медленно. Смакуя. Язык скользнул по губе, собирая кровь, и я снова почувствовала этот проклятый жар — волной ударило в низ живота, колени подогнулись.

— Получила удовольствие? — спросил он с лёгкой усмешкой. — Я — да. От твоего прикосновения.

— Ты извращенец, — выплонула я.

— Нет. — Он качнул головой, и его глаза потемнели. — Просто голодный. Как и ты.

Он протянул руку. Я замерла, не в силах пошевелиться и

отшатнуться.

Его пальцы коснулись моего подбородка — всего лишь кончики, лёгкое, почти невесомое прикосновение. Он провёл по щеке, очертил скулу, спустился к губе — медленно, мучительно медленно, будто изучал моё лицо на ощупь.

И я чуть не рухнула на колени.

Из горла вырвался всхлип — злой, мокрый, унижительный.

Слёзы обожгли глаза.

— Убери руки, — сказала я, но голос предал меня. Он прозвучал хрипло, слабо, почти умоляюще.

— Не могу. — Он упёрся лбом в мой лоб. Дыхание смешалось — тёплое, чужое, но такое родное, что внутри всё переворачивалось. — И ты не можешь. Мы в одной связке. Закон истинных пар не обманешь.

— Я ненавижу тебя, — прошептала я дрожащими губами.

— И это тоже часть связи. Любовь и ненависть через истинную пару — одно и то же. Так что ненавидь меня. Это лучше, чем равнодушие.

Я зажмурилась, чтобы не видеть его лица. Плотно, до цветных пятен под веками.

Но запах, и тепло его тела никуда не ушли. Они проникали сквозь кожу, смешивались с моим дыханием.

Я чувствовала, как его пальцы скользят по моей шее — медленно, лениво. Большой палец гладил бьющуюся жилку, давил чуть сильнее, и сердце отбивало бешеный ритм прямо

под его ладонью.

Он приблизился.

Я чувствовала его губы — почти касаются моих.

Миллиметр.

Полвдоха до пропасти.

— Я умру, — сказала я. Голос был чужим, сиплым, выжатым до капли. — Если ты поцелуешь меня, я просто умру.

— Не умрёшь. — Его губы скользнули по моим — легче пёрышка, короче вдоха. Призрачное касание, от которого меня бросило в дрожь с головы до пят. — Ты будешь жить. И будешь моей.

Но Кэлеан не поцеловал. Он отступил на шаг.

Жар тут же ушёл, оставив ледяную пустоту. Я стояла, дрожа всем телом, стискивая зубы до скрежета, сжимая ногтями ладони, чтобы не броситься за ним, не вцепиться в его мундир, не закричать:

«Не уходи! Закончи начатое! Прикоснись ко мне, дай мне сгореть!»

Но я молчала.

— Завтра в полдень церемония, — сказал он. Голос уже ровный, холодный, деловой. — Ты придёшь. Потому что иначе мы оба сгорим заживо от этой магии. А я пока не готов отдавать Бездне ни тебя, ни себя.

Он развернулся и вышел.

Дверь захлопнулась за ним.

И я сползла по столику на пол.

Ноги подкосились, спина ударилась о стену, и я осела на пол, как тряпичная кукла.

Поджала колени к груди, обхватила их руками, уткнулась лбом в шероховатую ткань платья. Между ног было мокро. Позорно, унижительно мокро — трусы промокли насквозь, и я чувствовала холодную влагу на внутренней стороне бёдер.

Грудь ходила ходуном, всхлипы вырывались из горла. Я кусала колено, чтобы не завывать в голос, чтобы никто не услышал, какой жалкой, сломленной я себя чувствовала.

Я плакала.

Впервые за три года — с того самого дня, когда увидела тело Элариана, залитое кровью. Я запретила себе слезы тогда, заморозила сердце, спрятала боль за стеной ледяной ярости.

Но сейчас плотина прорвалась — и меня выворачивало наизнанку. Горько, зло, с проклятиями сквозь зубы, со слюной и соплями, с дрожью, которая сотрясала плечи.

— Козёл, — шептала я в колени, вжимаясь лицом в мокрую ткань платья. — Козёл. Сволочь. Ублюдок. Я убью тебя. Или кончу от одного твоего взгляда. О, боги, вы там наверху просто издеваетесь...

Я рассмеялась сквозь слёзы — истерично, с надрывом, чувствуя, как здравомыслие трещит по швам.

Какой из вариантов лучше? Убить его и сгинуть в Бездне от разрыва связи — или кончить от его взгляда и сдохнуть от позора?

Боги, вы дали мне отличную развилку. Спасибо.

В углу комнаты, в тени, что-то шевельнулось.

Я дёрнула головой, всмотрелась в темноту. Там никого не было.

Но мне почудился смех. Тонкий, звенящий, как колокольчик. Он отдался эхом в висках, пробежал мурашками по спине.

— Кто здесь? — крикнула я, вскакивая на ноги.

Тишина.

Только моё дыхание — частое, прерывистое — и стук сердца в ушах.

Я вытерла лицо рукавом. Потом — сопли, размазывая по щеке солёную влагу. Встала, покачиваясь, ноги дрожали, колени подгибались.

Сделала шаг к тому месту, где почудилось движение. Ещё шаг. Всмотрелась в пол.

Обрывок черной ткани. Маленький лоскут с неровными, опалёнными краями. Он лежал на темном паркете, почти сливаясь с тенями.

Я наклонилась, подняла его, поднесла к лицу.

От него пахло гарью.

— Что за бред, — пробормотала я.

Я сжала тряпку в кулаке. Подошла к камину, размахнулась и швырнула лоскут в остывшие угли. Ткань вспыхнула синим пламенем. Она исчезла за секунду, не оставив даже пепла.

Я отошла от камина, растирая плечи ладонями. В комнате

стало холодно — или это просто нервы выстудили кровь.

Завтра в полдень церемония.

И я приду. Потому что у меня нет выбора. Но есть план.

Я подошла к столу, налила себе полный бокал красного, терпкого вина. Сделала глоток, почувствовала, как тепло разливается по груди.

Хочу увидеть, как лорд Кэлеан встанет на колени перед женой, которая его уничтожит, — подумала я, глядя в зеркало на своё отражение. Растрёпанное, опухшее от слёз, но с огнём в глазах. — Или родит ему наследников. Третьего не дано.

Я усмехнулась собственной шутке. Злой и дёрганой усмешкой, от которой стало немного легче.

Отпила ещё вина, чувствуя, как оно согревает горло, затуманивает мысли.

Завтра мне нужно быть трезвой. Ровно настолько, чтобы дойти до алтаря и не упасть в обморок от запаха этого проклятого мужа. А сегодня — сегодня я имею право напиться и пожалеть себя.

Я плеснула ещё полный бокал, подошла к окну и отодвинула штору.

Луна висела над домом — полная, бледная, зловещая.

Где-то вдали ухнула сова.

— За тебя, Кэлеан, — прошептала я, поднимая бокал к луне. — Мой будущий муж. Моя погибель. Моё проклятие.

Я выпила до дна. Вино стекало по подбородку, но я не

вытирала его. Слишком пьяна, чтобы притворяться леди.

А завтра я надену маску.

Улыбнусь.

Скажу «да».

И начну свою игру.

— Три дня, — прошептала я, ставя пустой бокал на подоконник. — Три дня до того, как Тьма пожрёт нас обоих. Успею ли я тебя убить до этого, муженёк? Или придётся жить с тобой в аду вечность?

Глава 3

Меня вели к алтарю, как овцу на бойню.

Каждый шаг отдавался в висках глухим стуком.

Платье — белое, дурацкое, с кружевами по горло, с пышной юбкой, которая шуршала при каждом движении, насмехаясь надо мной.

Прям невеста, а не приговорённая к извращённой казни.

В руках букет лилий — они пахли так сладко, приторно и навязчиво, что меня тошнило. Желудок сжимался, к горлу подкатывала горечь.

Хотелось засунуть этот букет в задницу тому, кто придумал этот цирк.

А если быть точнее — Кэлеану.

В храме было полно народу.

Все высшие эльфы, эти напыщенные рожи в парче и шёлке, с высокомерными улыбками и холодными глазами. Они сидели в первых рядах, сверкая драгоценностями, и провожали меня взглядами — кто с любопытством, а кто с сочувствием.

Этот же народ три года назад шептался за моей спиной:

«Бедная Аэри, её жениха убили, какой ужас, как она теперь без него?»

А теперь они сидели и улыбались, потому что их драгоценный Совет решил, что Тьму можно заткнуть моей задницей.

цей.

Отец вёл меня под руку. Он сжимал мои пальцы так, будто боялся, что я вырвусь и сбегу.

И правильно боялся.

Я бы сбежала, при первой же возможности, если б не эта проклятая магия, которая жгла меня изнутри с каждым шагом к алтарю. Она тянула меня вперёд, пульсировала в крови.

— Держись, Аэри, — прошептал отец одними губами, не поворачивая головы. — Ради семьи.

Но я молчала. Только сжала букет так, что стебли хрустнули.

Кэлеан стоял у алтаря в своем привычном чёрном мундире. Его белые волосы собраны в хвост, открывая высокий лоб и острые скулы. Лицо — каменная маска, ни единой эмоции.

Он смотрел на меня, и я чувствовала, как его взгляд раздевает меня — медленно и нагло, ощупывая каждый изгиб.

Магия крови пульсировала между ног горячей волной, от которой подкашивались колени.

Не смотри на меня так.

Взмолилась я мысленно, встречаясь с ним взглядом.

Отец подвёл меня к нему вплотную.

Так сказать, из рук в руки передал.

Я почувствовала, как пальцы отца соскользнули с моей ладони, и на мгновение мне захотелось вцепиться в него, закричать:

«Не оставляй меня с ним! Я не хочу!»

Но я только перевела взгляд с отца на этого высокомерно-го ублюдка в чёрном мундире.

— Леди Аэри, вы прекрасны. — сказал он тихо.

— Пошел ты, — одними губами ответила я, так, чтобы никто не услышал.

Он услышал.

Уголок его губ дёрнулся — едва заметно. И магия внутри меня взревела от этого движения, требуя большего.

Я подняла подбородок, расправила плечи и встала рядом с ним перед алтарём.

Ну что ж. Доиграем эту комедию. А потом я покажу тебе, муженёк, что значит жениться на эльфийке, которой нечего терять.

Я смотрела на старейшину, который раскрывал древний свиток.

— Мы собрались здесь, чтобы скрепить союз домов... — начал старейшина.

Голос у него был как скрип двери в склепе, такой сухой и дребезжащий. Он бубнил что-то о древних узах, о долге перед родами, о великой чести.

Я не слушала.

Слова пролетали мимо ушей, разбиваясь о стену пульсирующей боли в висках.

Я косо поглядывала на Кэлеана.

Он стоял рядом — неподвижный, высокомерный, как ста-

туя в храме. Идеальный профиль, ни единой эмоции на лице. Только желваки играли на скулах, если присмотреться.

«Врежь ему по лицу, — думала я, сжимая букет так, что ногти впились в ладони. — Плюнь в морду. Развернись и уйди. Просто развернись и уйди — пусть они все лопнут от злости».

Но ноги не слушались. Они приросли к каменному полу, будто корни пустили. Магия держала меня на месте, прикованную к этому мужчине.

— Леди Аэринэль, — голос старейшины пробился сквозь пелену мыслей. — Согласны ли вы взять в мужа лорда Кэлеана...

— Да, — резко сказала я.

Слово вырвалось раньше, чем он закончил фразу. Громко и чётко.

В зале прошёл шепоток.

Кто-то ахнул — видимо, ждали, что я устрою скандал или разрыдаюсь, и упаду в обморок.

«Ну, ещё не вечер, — подумала я, криво усмехнувшись про себя. — Я поберегла лучшие номера на потом».

Краем глаза я заметила, как Кэлеан чуть склонил голову — будто кивнул, удовлетворённый моим ответом.

Рано радуешься, муженёк.

Хмыкнула я про себя.

— Минуточку! — вдруг крикнул кто-то из задних рядов.

Голос прозвучал неестественно громко в тишине храма.

Я вздрогнула и обернулась.

Какой-то мужик в мантии встал со своего места, скорее всего из младших старейшин, лицо незнакомое, а имя вылетело из головы.

Он вытянул руку и ткнул пальцем в сторону Кэлеана. Палец его дрожал — то ли от гнева, то ли от страха.

— Я требую проверки магии! — заявил он. — Есть сомнения, что истинная пара определена верно. Не хочет ли леди Аэринэль подтвердить свою волю не словом, а кровью?

Я выгнула бровь.

Кровью?

О, боги, они реально хотят увидеть, как мы режем друг друга прямо у алтаря?

Этот цирк становится всё интереснее.

Кэлеан повернулся к говорившему медленно. В его глаза мелькнула злая тень.

Он сузил глаза.

— Ты сомневаешься в магии крови? — спросил он тихо, но весомо.

— Я сомневаюсь в тебе, лорд Кэлеан. — Мужик не унился. Было видно, как дрожит его подбородок, но голос держался. — Ты известен своими методами. Не ты ли украл ритуальный клинок из храма в прошлую луну?

В зале начался шум. Кто-то ахнул, кто-то зашёлся в кашле — сухом, надрывном, будто давился собственным возмущением.

Женщины зашептались, веера зашуршали.

Я смотрела на этого мужика, на его трясущийся палец, на бледное лицо, и испарину над верхней губой. Под жилкой чувствовала, что он не просто так вякает.

Интересно, кто его подослал?

Или он сам по себе идиот, возомнивший себя борцом за справедливость?

— Хватит, — рявкнул Верховный старейшина. Голос прокатился под сводами храма, перекрывая шум. Он поднял руку, и на миг мне показалось, что воздух вокруг него замерцал — сила старейшины давила на всех присутствующих, напоминая, кто здесь главный. — Лорд Кэлеан благородный эльф, и никто из присутствующих даже мысли не допускает обвинять его в какой-то краже. Это абсурд! Тем более обряд уже завершён. Лорд Кэлеан, леди Аэринэль, вы скрепили союз — достаточно лишь одного слова вашей наречённой.

— Но я настаиваю... — мужик не унимался. Голос у него срывался на визг, он перебил старейшину, и в зале пронёсся возмущённый ропот.

Двое стражников шагнули вперёд, готовые вышвырнуть нарушителя.

— Заткнись уже! — рявкнул мой отец.

Я вздрогнула.

Никогда не слышала, чтобы отец повышал голос прилюдно.

Он шагнул вперёд, оттесняя меня плечом, и я увидела, как

его пальцы сжались в кулаки. Вена на его лбу пульсировала.

— Если ты хочешь крови, я тебе её дам. Но сначала я хочу знать — с какого перепуга ты лезешь в свадьбу моей дочери?

Мужик побледнел. Его лицо вытянулось, стало серым, как пепел. Он открыл рот, хватая воздух, как рыба, выброшенная на берег, но тут...

Сзади, из тени колонны, раздался смех.

Тонкий. Звонящий. Колокольчиком прокатился по храму.

Тень от колонны зашевелилась сама по себе.

Мне показалось, что в самой глубине этой тени мелькнул силуэт.

Я уже почти двинулась в ту сторону, повела плечом, но тут мой взгляд перехватил Кэлеан. Он чуть заметно качнул головой, показывая жестом не лезть.

Я замерла, но продолжать всматриваться не стала.

— Обряд завершён, — повторил Верховный старейшина, и его голос эхом отозвался в тишине. — Поздравляю. Лорд Кэлеан, вы можете поцеловать невесту.

Кэлеан шагнул ко мне.

Время растянулось, как резина.

Каждый его шаг отдавался у меня в груди, кровь шумела в ушах.

Его губы коснулись моих.

Поцелуй был быстрым, формальным, почти невесомым. Он длился всего секунду, но магия крови взвыла внутри меня так, что я чуть не вцепилась в его мундир.

Волна жара прокатилась от губ вниз, к груди, к животу, между ног, и я почувствовала, как подкашиваются колени.

Кэлеан отстранился — медленно, с лёгкой усмешкой, будто знал, что со мной сейчас происходит.

— Терпи, — шепнул он одними губами. — Все остальное потом.

«Потом» говорило о брачной ночи. К тому, от чего я не смогу отказаться, даже если захочу.

Я сглотнула комок в горле и заставила себя улыбнуться — криво, натянуто, так, чтобы присутствующие видели счастливую невесту.

— Спасибо, — сказала я вслух. Голос прозвучал ровно, хотя внутри всё дрожало. — Я тоже рада, что обряд завершён.

И теперь я официально твоя жена. Но это не значит, что ты меня получил.

У меня есть три дня до Тьмы. И я собираюсь использовать их с максимальной пользой.

Старейшина поднял руку, и зал взорвался аплодисментами.

Кто-то восторженно захлопал, кто-то заулыбался, закивал.

Кэлеан взял меня под руку уверенно. Его пальцы сомкнулись на моём запястье, и магия внутри дрогнула, отзываясь на прикосновение.

— Пойдём, жена, — сказал он. — Нас ждёт пир. И наши

гости.

Он усмехнулся, глядя куда-то вперёд, и я почувствовала, как внутри меня закипает злость.

Я позволила увести себя из храма.

Белое платье шуршало по каменным плитам, лилии в руке увядали на глазах.

Глава 4

Гости потянулись к выходу — в замке накрыли пир.

Я должна была идти туда. Улыбаться. Жрать дурацкие пирожки с мясом и запивать вином. Делать вид, что я счастливая невеста, что в восторге от своей участи.

Я не могла.

Воздух в замке стал спёртым, стены давили, улыбки гостей казались оскалами.

Я рванула с места, как дикая кошка, — подхватила подол платья обеими руками, сжала белую ткань в кулаках и побежала, через боковой проход, мимо ошарашенных слуг, которые открыли рот, но не успели ничего сказать.

Вниз по ступеням — я перепрыгивала через две, и через три ступени, рискуя подвернуть лодыжку и свернуть шею.

Каблуки цокали по камню, дыхание сбилось, сердце колотилось бешено.

Только бы подальше от сюда, чтобы не видеть их фальшивых лиц.

На улице было серо. Небо набрякло тучами — тяжёлыми, свинцовыми, обещая ливень.

Ветер рвал полы платья, бросал в лицо пыль.

Я добежала до нижних ступеней замка и упала на колени.

Боль прострелила ноги — я содрала кожу о шершавый камень. Чулки порвались, сквозь кружево выступила кровь.

— Ненавижу! — заорала я в небо. — Ненавижу тебя!
Ненавижу всех!

Вцепилась пальцами в камень, сжала их, царапая плиты ступени ногтями.

— Он убил Элариана! — имя любимого обожгло горло.
— Он убил его, а я вышла за него замуж! Я вышла за убийцу!

Слёзы брызнули из глаз — злые, жгучие, солёные, капали на платье, оставляя тёмные пятна на белом кружеве.

— Все сговорились! — Я ударила кулаком по ступени. Боль вспыхнула в костяшках, но я ударила снова. И снова. Камень крошился, впивался в кожу. — Все сволочи! Отец, Совет, старейшины — все, все, все!

Ещё один удар. Кружево на рукаве порвалось, ткань окрасилась алым.

— Я лучше умру! — заорала я, запрокинув голову. — Слышите?! Я лучше сдохну, чем рожу ему наследников! Я не позволю ему прикасаться ко мне!

Я била кулаками по камню, раз за разом, пока содранная кожа не превратилась в кровавое месиво. Волосы растрепались, выбились из причёски, прилипли к мокрым щекам. А диадема свалилась с головы, скользнув по волосам, и звонко упала на ступени.

— Аэри!

Голос отца ударил в спину, как хлыст.

Я услышала тяжёлые шаги за спиной — он выбежал за мной, его дыхание сбилось, парадная мантия хлопала на вет-

ру.

— Встань, прекрати, ты позоришь наш дом.

Я дёрнулась. Медленно подняла голову, повернулась к нему.

Он стоял надо мной — высокий, в парчовой мантии, с гербом дома на груди.

— Пошёл ты со своим домом! — рывкнула я, глядя на него бешеными глазами. Голос сорвался на хрип, слюна брызнула с губ. — Ты продал меня этому чудовищу! Вы все продали меня!

Отец побледнел. Открыл рот, хотел что-то сказать, но я не дала:

— Я была твоей дочерью! Твоей кровью! А ты отдал меня убийце!

Отец отшатнулся, будто я ударила его. В его глазах мелькнула тень — боль, вина, стыд. Но он промолчал.

Что он мог сказать? Правду? Что всё было решено задолго до сегодняшнего дня?

Сзади слышались шаги. Лёгкие. Уверенные.

Я знала, кто это, ещё до того, как услышала. Чувствовала его приближение — магия вибрировала в воздухе, тянулась к нему.

Каждый шаг отдавался у меня в груди, пульсировал в висках, в кончиках пальцев, между ног.

Кэлеан подошёл, остановился на верхней ступени. Посмотрел на меня сверху вниз — с высоты своего роста.

— Наигралась? — спросил он спокойно.

Я подняла на него заплаканное лицо, вымазанное слезами и пылью.

— Придуши меня, — попросила я. — Придуши, чтобы не видела твою мерзкую рожу. Чтобы не слышать твоего голоса. Чтобы эта проклятая магия сдохла вместе со мной.

Кэлеан деловито склонил голову набок.

— Не могу, — ответил он. — Ты моя жена. А я своих не убиваю.

— Я тебе не жена!

— По документам — жена. — Он спустился на ступеньку вниз. Ещё одну. Я увидела, как его рука протянулась ко мне — ладонью вверх. — Вставай. Пир ждать не будет.

Я смотрела на его протянутую руку. Красивые пальцы, длинные, с аккуратными ногтями, без единой мозоли. Рука аристократа, рука убийцы.

— А вот тебя Бездна будет ждать! — выкрикнула я, вскакивая, оттолкнув его руку.

Куда бежала — не знаю.

Просто вниз, по ступеням, прочь от замка, от гостей, от него.

Ноги несли сами, подол платья путался в щиколотках, лёгкие горели, в глазах плыли серые пятна.

Я не видела дороги — только серую плитку под ногами, и мелькание собственных ног.

Но магия крови не отпускала. Она туго натянулась между

нами, как удавка на шее.

Я пробежала шагов двадцать, не больше, когда меня дёрнуло назад — сильно, до рези в животе. Будто кто-то вцепился мне в солнечное сплетение и рванул на себя.

Я вскрикнула — коротко, сдавленно — и упала на колени.

Удар о камень отдался в разбитых костяшках, в содранных коленях, в каждой косточке.

Я зашипела сквозь зубы, упёрлась ладонями в плиты, пытаюсь встать, но тело не слушалось. Магия держала крепче, чем любой канат.

Кэлеан шёл ко мне. Медленно. Не торопясь, с холодной, пугающей размеренностью.

Чёрные сапоги ступали по камню, белые волосы развевались на ветру. В глазах — тёмная, ледяная ярость, от которой у меня внутри всё сжалось.

— Ты не убежишь, — сказал он, подходя. — Магия не пустит.

— А это мы посмотрим! — прохрипела я, пытаюсь встать.

Ноги подкосились. Я рухнула обратно на колени, и магия снова дёрнула — сильнее, выкручивая внутренности, как мокрое бельё в чьих-то грубых руках.

Меня выгнуло дугой, из груди вырвался сдавленный стон. Желудок сжался, к горлу подкатила горечь.

Я согнулась пополам, уткнувшись лбом в холодный камень, выдыхая ругательства сквозь зубы.

— Чтоб ты сдох, — прошептала я в камень. — Чтоб ты

сгнил заживо, Кэлеан. Чтоб Бездна сожрала твою душу.

Он подошёл вплотную. На миг всё замерло — только его тень накрыла меня. Он нагнулся, подхватил меня под колени и спину — и поднял на руки, как пушинку.

— Отпусти! — заорала я, забившись в его руках. — Убери руки! Отпусти меня, слышишь?!

Я извивалась, царапалась, брыкалась, била его кулаками по груди, по лицу, по плечам.

Заехала ему по скуле — хлётко, звонко — и он даже не моргнул. Провела ногтями по щеке, оставляя четыре красных полосы, — он только зубы сцепил, и на скуле вздулся желвак.

— Мерзавец! Ублюдок! — Я била его, раз за разом, с каждой секундой всё яростнее. — Я тебе глаза выцарапаю! Я тебя убью! Я задушу тебя во сне!

Он нёс меня молча, не отвечая на удары.

Ни слова.

Ни взгляда.

Просто шёл вперёд, стиснув зубы.

— Хватит, — рыкнул он наконец. — Или я усыплю тебя магией, и ты проспишь весь свой брачный пир.

Голос низкий, хриплый, с едва сдерживаемой яростью.

Я почувствовала, как в воздухе зарябило от силы, как магия заискрила у его пальцев — магия усыпления, очень опасная.

— Усыпи, усыпи, сволочь! — закричала я ему в лицо. Я

брыкалась, пыталась выскользнуть из его хватки, чувствуя, как платье трещит по швам, как кружево рвётся. — В гробу я видела твой пир! В гробу я видела тебя, твой замок, твою проклятую магию и всех ваших высших эльфов!

Я вцепилась в его воротник, дёрнула на себя, и пуговица отлетела, звякнув о камень.

Он не остановился.

Глава 5

Он нёс меня через площадь.

Гости, которые вышли из замка подышать воздухом, ша-
рахались в стороны.

Я видела их лица — мелькали, проплывали мимо, как в
тумане.

Шок.

Смешки.

Осуждение.

Кто-то из женщин прикрыл рот ладошкой, округлив глаза.
Какой-то мужик хмыкнул и покачал головой.

А из-за колонны снова раздался этот тонкий смешок из
тени. Звонящий, колкий, он прокатился по площади.

Я дёрнула головой, чтобы посмотреть, вцепилась пальца-
ми в плечо Кэлеана, вывернула шею — но увидела только
темноту под аркой колоннады.

Никого.

Только тень шевелилась.

«Кто ты? — стучало в голове. — Что ты такое? Почему
ты смеёшься надо мной?»

Но Кэлеан уже влетел в замок — быстро.

Сапоги его стучали по каменным плитам, дыхание сби-
лось, но он нёс меня, не сбавляя шага.

Слуги шарахались от нас, прижимаясь к стенам, опуская

глаза.

Кто-то уронил поднос с бокалами — звон разбитого стекла прокатился по коридору.

Он нёс меня через коридоры.

Я орала.

Плевалась.

Кусала его плечо через плотную ткань мундира, чувствуя зубами жёсткую шерсть сукна.

Он даже не вздрогнул — только мышцы напряглись под моими челюстями.

— Бешеная. — Он выдохнул хрипло. — Ты бешеная.

— А ты недоумок! — рывкнула я, высвобождая рот из его плеча. — Придурок! Высокородный болван! Думаешь, раз ты лорд, тебе всё можно?!

Он не ответил.

Толкнул дверь ногой — с размаху, так что она распахнулась, ударившись о стену.

Я увидела спальню — большую, светлую, с высокими окнами, задрапированными тяжёлым бархатом.

И кровать.

Огромную.

Под балдахином.

Застеленную алым шёлком, который блестел и переливался в свете свечей. Подушки — горой, белые, пуховые, манящие.

От вида этой кровати меня замутило. Желудок сжался, к

горлу подкатали горечь.

Он бросил меня на кровать, грубо, как мешок с картошкой. Я взлетела, на миг зависла в воздухе, а потом упала лицом в шёлк — холодный, скользкий, пахнувший лавандой. Матрас пружинисто принял меня, подбросил, и я едва не скатилась на пол.

Я вскочила, перевернулась на спину, пружиной взвилась, упёрлась ладонями в кровать, собираясь броситься прочь.

Но он уже навис сверху — упёрся руками по обе стороны от моей головы, запер меня в клетке из своих рук. Я оказалась прижатой спиной к подушкам, лицом к лицу с ним.

Я чувствовала его дыхание — горячее, с мятным привкусом.

Видела каждую серебристую крапинку в серых глазах, каждую складочку раздражения, залёгшую между бровей.

— Ты закончила истерику? — спросил он низким и грубым голосом.

Я смотрела в его глаза, чувствуя, как часто бьётся сердце, как магия крови пульсирует в висках, разгоняя жар по телу. И вместо того чтобы испугаться, я разозлилась ещё сильнее.

И плюнула ему в лицо.

Теплая, вязкая слюна попала ему на щёку — чуть выше уголка губ.

Он замер.

На миг в комнате стало тихо — так тихо, что я слышала, как за окном каркнула ворона.

Кэлеан моргнул.

Медленно вытер плевков большим пальцем, проведя по щеке, от уголка губ к скуле. Посмотрел на палец, потом на меня.

И вдруг засмеялся сухо.

— Закончила, — сказал он. — Отлично. Теперь слушай сюда.

Он схватил меня за запястья.

Его пальцы сомкнулись вокруг моих костей, как кандалы, и прижали мои руки к кровати по обе стороны от головы.

Я дёрнулась — всем телом, изогнулась, пытаюсь вырваться, — но бесполезно.

Сильный, гад.

Каждая мышца под мундиром была стальной, каждое движение — точным и непреклонным.

— Ложись в кровать по-хорошему, — сказал он, чеканя каждое слово. — И я дам тебе время привыкнуть. Ложись по-плохому — я свяжу тебя магией и сделаю так, что ты сама приползёшь ко мне на коленях. Выбирай.

Я смотрела в его серые глаза и чувствовала, как внутри меня всё горит.

Ненависть пульсировала в висках, желание жгло низ живота, стыд разъедал грудь изнутри — они перемешались в чудовищный коктейль, от которого кружилась голова.

— Я лучше перегрызу тебе глотку! — выплюнула я.

— Попробуй. — Он наклонился ниже. Я почувствовала

его дыхание на своих губах — горячее, с мятным привкусом. — Но предупреждаю: если цапнешь, я тебе кляп в рот вставлю, и убирать буду только когда есть будешь.

Я зарычала и дёрнулась вверх, пытаясь боднуть его головой в переносицу. Но он увернулся — чуть отклонился, предугадал мое движение.

Его пальцы сжались на моих запястьях сильнее — до белой вспышки перед глазами. Я взвизгнула от боли — коротко, сдавленно, ненавидя себя за этот звук.

— Больно? — спросил он. В голосе — ни капли сочувствия. — Это ещё цветочки. Ягодки будут, когда Тьма начнёт жрать нас изнутри. Ты чувствуешь её, Аэри? Чувствуешь, как она поднимается от самой магии крови?

Я чувствовала.

Проклятие, я всё чувствовала.

Жар внизу живота разрастался с каждой секундой.

Я хочу впиться губами в его губы. Ощущать его вкус на своем языке. Хочу чувствовать его тяжесть на себе.

— Ненавижу, — прошептала я со стоном.

Он смотрел на меня долгую, тягучую секунду.

— Знаю. — Он отпустил мои запястья, выпрямился, отступил на шаг. Я почувствовала, как воздух снова наполнил лёгкие, как свобода на миг коснулась кожи. — Но это не имеет значения. Тьма не ждёт.

Он отошёл к двери.

Я не двигалась.

Лежала на кровати, раскинув руки в стороны, глядя в балдахин над головой. Тяжело дышала — грудь вздымалась и опадала, как после долгой гонки. Платье задралось почти до колен. Чулки были в дырах и пятнах крови.

Я чувствовала себя вывалянной в грязи тряпичной куклой, которую сначала изжевали, а потом выплюнули.

— Сегодня ты останешься одна, — сказал он у двери. Голос его звучал глухо, будто он говорил в стену. — Я буду в соседней комнате. Приди в себя. А завтра мы поговорим.

— Я не буду с тобой говорить, — прохрипела я, не поворачивая головы. — Я буду тебя убивать.

— Тогда завтра и начнёшь. — Он взялся за дверную ручку. Металл звякнул. — Дверь я запру снаружи. Не для того, чтобы держать тебя в заточении. А чтобы ты не наделала глупостей. Вокруг замка тени. И они хотят твоей смерти.

— А ты? — спросила я, все так же глядя в потолок. — Чего хочешь ты?

Тишина повисла в комнате, как плотная завеса.

— Я хочу, чтобы ты была в безопасности, — сказал он тихо. — И это самое поганое, что может случиться с таким, как я.

Я замерла, но бровью не повела.

Дверь закрылась.

Щёлкнул замок — коротко.

Я осталась одна.

Жар схлынул — резко, как волна, откатывающая от бере-

га.

Магия отступила.

Он унёс с собой ту лихорадочную пульсацию, что сводила с ума.

Я почувствовала, как мокро между ног — липко, униЗИтельно, ясно давая понять, на что оно реагировало.

Болят содранные колени — кожа горела огнём, к платью прилипли нитки и пыль. Саднит разбитые костяшки — каждая ссадина пульсировала в такт ударам сердца.

Как стыдно. До омерзения.

Я возбудилась, пока лежала под ним, ненавидя его, готовая убить, и моё тело... оно текло.

Я свернулась калачиком на кровати — подтянула колени к груди, обхватила себя руками. Платье натянулось, затрещало по швам, но я не обратила внимания. Уткнулась лицом в подушку, которое пахнет лавандой, свежим бельём, и, кажется, его запахом.

Я зарылась носом в подушку, вдохнула глубоко и зарыдала в голос. Зло. Громко.

Слёзы текли по щекам, капали на подушку, смешивались с соплями и слюной.

Как же я ненавижу его, но и одновременно хочу его прикосновений. И не знаю, где магия, и где заканчивается моя воля.

— Элариан, прости меня, — прошептала я в пустоту. — Я не хотела. Я не выбирала этого. Но моё тело выбрало за

меня. И теперь я даже не знаю, смогу ли я смотреть тебе в глаза, когда мы встретимся в загробном мире.

Глава 6

После торжества, и после ночи, которую я должна была провести с супругом, — но провела одна, свернувшись клубком на кровати, — Кэлеан отвёз меня в свой замок.

Мы ехали молча. В карете было тесно и душно.

Я смотрела в окно, он смотрел вперёд. Между нами висела тишина — тяжёлое напряжение. Магия крови пульсировала в такт стуку колёс по мостовой, и каждый толчок отдавался у меня между ног.

Наконец въехали в ворота.

Замок Кэлеана был тёмным, острым, вросшим в скалу — не то что светлый родительский дом.

Стены из чёрного камня, узкие бойницы, башни, уходящие в серое небо.

Красиво. Мрачно. Как тюрьма.

Первые три дня в его замке были похожи на ад, где тебя не бьют, но жарят на медленном огне.

Кэлеан делал вид, что меня не существует. А я делала вид, что меня это устраивает.

Мы сталкивались в коридорах — он проходил мимо с бумагами в руках, я шла в сад. Расходились, не проронив ни слова, но магия крови была внутри меня так, что хотелось биться головой об стену.

Он запирался в своём кабинете с утра до ночи. Я знала

это, потому что несколько раз подходила к двери — просто постоять, прикоснуться пальцами к дереву, почувствовать его присутствие.

Внутри что-то щёлкало, тянулось, требовало открыть дверь, войти, броситься ему на шею, вцепиться губами.

Но я не входила. Стояла, прижавшись лбом к холодному дереву, и считала до ста.

А потом уходила.

Ко мне приходили служанки с завтраком, обедом и ужином. Молчаливые, с опущенными глазами, они ставили подносы на стол и исчезали, будто боялись заразиться моим безумием.

Я ела в одиночестве — механически, не чувствуя вкуса. Жевала, глотала, смотрела в стену. И чувствовала, как Тьма внутри меня разрастается.

Она была похожа на чёрную дыру в груди — она сосала, тянула, голодала. И питалась только одним: его присутствием.

На четвёртый день я всё же стремительно и решительно направилась в его крыло, снова.

Ноги несли сами — я почти не контролировала их. Магия тянула, как собаку на поводке: натянутая струна в груди вибрировала, вела меня по коридорам.

Я сказала себе, что иду посмотреть ему в глаза и сказать, что он ничтожество.

Но в глубине души, в самой тёмной, постыдной её части,

я знала правду.

Просто хочу его увидеть. Хочу почувствовать его взгляд на себе, услышать его голос, чтобы он коснулся меня.

Ох как ненавижу себя за это.

Кабинет я нашла быстро — за дубовой дверью слышались голоса. Мужской — низкий, спокойный, я узнала его сразу, и он отозвался дрожью в солнечном сплетении. И женский — тонкий, воркующий, с приторными нотками, от которых у меня внутри всё перевернулось.

Я не стала стучать.

Толкнула дверь без предупреждения — плевать на этикет, и на приличия, я его жена, а не наёмная прислуга, чтобы ждать разрешения.

Дверь распахнулась, и я замерла на пороге, глядя на происходящее.

Меня будто окатили ледяной водой пополам с кипятком.

Кэлеан сидел в кресле у камина. Расслабленный, развалившийся, с бокалом красного вина в руке. Нога закинута на ногу, рубашка растёгнута на две пуговицы, рукав небрежно закатан.

А у него на коленях сидела девица.

Эльфийка.

Худющая, белобрысая, с волосами, собранными в высокий хвост, и с глазами навывкат — такие бывают у тех, кто слишком долго смотрит в чужие кошельки.

Её рука лежала у него на груди, тонкие пальчики играли с

пуговицей на рубашке — теребили, крутили, будто собирались расстегнуть. Она что-то шептала ему на ухо и мерзко хихикала — тонко, заливисто, как будто её щекотали.

У меня всё взорвалось внутри.

Я почувствовала, как магия крови плеснулась в груди, Тьма внутри взвыла, заскрежетала, забилась в истерике. В глазах потемнело, в ушах зашумело.

— Ах ты кобель! — заорала я, влетая в кабинет.

Голос сорвался на визг. Я влетела внутрь, хлопнув дверью так, что со стены упала картина.

Девушка дёрнулась, отдёрнула руку от его груди и слезла с колен — испуганно, едва не споткнувшись о собственную юбку. Поправила блузку, одёрнула юбку, сделала шаг в сторону.

Кэлеан поднял на меня спокойный взгляд.

В серых глазах — ни тени вины, ни удивления. Будто он ждал этого.

— Леди Аэринэль, — протянул он лениво, отпивая глоток вина. — Какая честь. Ты решила почтить меня визитом?

Он сидел в кресле, развалившись, с бокалом в руке, и смотрел на меня снизу вверх с лёгкой, ленивой полуулыбкой. И я чувствовала, как внутри меня закипает новая волна ярости.

— Решила проверить, чем ты тут занят! — Я ткнула пальцем в девушку, которая стояла, прижав руки к груди, и делала невинные глаза. — А это что за шмара? Ты решил, что мо-

жешь тащить в мой дом каких-то шлюх, пока жена сидит в запертой спальне?

Я уже называю это место своим домом. Боги, во что я превращаюсь?

— Во-первых, это мой дом, — сказал Кэлеан спокойно, отставляя бокал на столик. Хрусталь звякнул о дерево. — Во-вторых, это Лейра, мой секретарь.

— Секретарь? — Я засмеялась — зло и истерично. — На коленях у лорда сидят не для того, чтобы бумаги перекладывать!

Я перевела взгляд на девуцу. Она стояла, опустив глазки, сложив руки перед собой, — само смирение. Но заметила, как дёрнулся уголок её губ. Микроскопическое движение, тень улыбки.

Ухмыляется, сука.

— Леди Аэринэль, — промурлыкала Лейра, поднимая на меня невинные глаза. — Я всего лишь подавала лорду Кэлеану отчёт. Вы не так поняли.

— Закрой рот, — рывкнула я. — Я с тобой не разговаривала.

Девуца моргнула, прикусила губу и опустила взгляд. Но она все также улыбается.

Я повернулась к Кэлеану.

Сделала шаг вперёд, приблизилась к креслу. Остановилась в трёх шагах, чувствуя, как дрожат руки, как колотится сердце, магия крови пульсирует, готовая вырваться наружу.

— Ты спал с ней? — спросила я.

Кэлеан поднял бровь — медленно, лениво. Он сложил руки на груди, откинулся на спинку кресла и посмотрел на меня снизу вверх.

— А тебе какое дело, жена? — спросил он с лёгкой, ядовитой усмешкой. — Ты же меня ненавидишь.

Я поперхнулась воздухом. Слова застряли в горле колючим комком, и почувствовала, как краска заливает щёки.

— Ты!.. — Я подошла к нему вплотную.

Мои туфли стукнули о паркет, юбка качнулась, задев его колено.

Я встала перед ним так близко, что чувствовала тепло, исходящее от его тела, видела каждую серебристую крапинку в его глазах.

— Ты мой муж! Точка! — Мой палец упёрся ему в грудь. — Даже если ты исчадие бездны! Не смей позорить меня!

Я говорила громко, но в голосе проскальзывали нотки, которых я не хотела слышать, — отчаяние, страх, что-то похожее на мольбу.

— Ты хоть понимаешь, что если об этом узнает Совет, меня засмеют? — продолжала я, и голос мой дрожал. — А если об этом узнает магия крови, она сожрёт нас обоих! Тебе плевать?!

Кэлеан встал. Медленно, плавно, как хищник, расправляющий плечи. Кресло скрипнуло, отпуская его.

Он был выше меня на голову — широкие плечи, жёсткая

линия челюсти, холодный, изучающий взгляд. Сейчас, нависая надо мной, он давил. Давил своим ростом, своей силой, и своей уверенностью.

Я не отступила.

— О, заговорила ревность? — усмехнулся он, склонив голову набок. — Или истинная связь? Выбери что-то одно, дорогая.

Слово «дорогая» он произнёс с такой едкой, ядовитой лаской, что меня передёрнуло. Оно прозвучало, как плевок.

— Не называй меня дорогой! — рявкнула я, вскидывая голову.

— А как тебя называть? — Он шагнул ближе. Я не отступила, но воздух между нас стал плотнее, горячее. — Жена? Аэри? Моя истинная пара, которая мечтает перерезать мне горло?

Он наклонился ниже, почти касаясь моих губ своими. Я чувствовала его дыхание на своей коже — тёплое, с горьковатым привкусом вина.

— Я мечтаю перерезать тебе не только горло! — выплюнула я, глядя ему прямо в глаза.

В моём голосе было столько ненависти, что её хватило бы на десять жизней. Но внизу живота уже разрастался горячий, липкий ком — магия крови отзывалась на его близость, пульсировала в такт его сердцебиению, выла и рвалась наружу.

Мы стояли друг напротив друга.

Воздух между нами плавился.

Я чувствовала его дыхание — сбитое, тёплое. Чувствовала его гнев — он вибрировал в воздухе, исходил от него волнами. Его голод — такой же дикий, и неутолимый, как мой. И свой собственный — он накатывал волнами, поднимался из самого нутра, затуманивал разум, толкал вперёд.

— Лейра, выйди, — сказал Кэлеан, не сводя с меня глаз.

— Но лорд Кэлеан, отчёт... — начала девица тонко, почти жалобно.

— Вы

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.